

Jyoti Mistry

Мандела – герой гуманитарной эпохи

Результаты недавнего социологического исследования рекламы показали, что "Нельсон Мандела" – самый заметный и узнаваемый брэнд в мире, сместивший с первого места "кока-колу". Бывший заключенный, ставший первым президентом демократической Южной Африки, – это брэнд, ассоциируемый с гуманитарной деятельностью: борьбой за то, чтобы дети имели возможность получить образование, строительством школ в сельских районах, а позже – широкомасштабной кампанией по профилактике СПИДа и за безопасный секс.

В мировой прессе почти невозможно найти хотя бы одно негативное упоминание об этом национальном герое. Мандела, бесспорно, стал всемирным символом политики примирения и мирных переговоров. При этом его единственный недостаток – горячность: говорят, он вспыхивает как спичка, видя вокруг себя некомпетентность и бездеятельность. Биографы Манделы обращают особое внимание на его харизматичность, чувство справедливости, монументальное телосложение. Те, кто работал с Манделой рука об руку, тоже отмечают его достоинства и совершенно не склонны сообщать о нем какие-то интимные сведения. Не только узкий круг друзей, но и все сотрудники хранят ему верность.

Как сумел стать национальным героем человек, проведший двадцать семь лет в изоляции от общественной жизни? В чем загадка бывшего заключенного, который был избран президентом, а вскоре после инаугурации отказался от власти? Как разгадать секрет человека, которого обожествляют как раз за воплощение лучших человеческих качеств: благородство, сострадание, добродетельность? Как отделить личность, по-прежнему остающуюся загадочной, от мифов, которыми она окружена?

Создание героя

Рехана Эбрахим-Вэлли отмечает, что фигура героя возникает тогда, когда личность, проявляя в социальном контексте экстраординарные качества, возвышается над обычными людьми¹. Пытаясь разобраться, каким образом Нельсон Мандела стал фигурой исторического масштаба в беспокойную эпоху перемен в социально-политической жизни Южной Африки, она рассматривает различие между героем в гомеровском смысле и героем современным. Гомеровского героя характеризует личное стремление к совершенству, и он, верша свои подвиги, руководствуется определенной целью. В случае Одиссея эта цель – вернуться домой благополучно и как можно скорее. Если гомеровского героя в конечном итоге ждет обожествление и прямое родство с богами, то с современным героем ситуация иная. Он тоже стремится к личному совершенству – но

ради общественного блага; его имя тоже становится бессмертным – но благодаря поступкам, свойственным простому смертному. Современных героев вообще крайне редко уподобляют богам или демонам; однако было бы небесполезно рассмотреть понятие обожествления в категориях, применимых к нынешнему времени. Манделу с равным энтузиазмом обожествляют в Южной Африке и во всем мире, и именно это делает его неотразимо привлекательной исторической фигурой.

Его детские годы, образовательные привилегии, годы тюремного заключения – все это стало плодородной почвой для мифологизации. Вне всяких сомнений, Мандела воплощает в себе исключительные качества; однако национальный герой из него был сконструирован именно благодаря тщательной селекции и демонстрации этих качеств.

Современный герой – это обычный член общества, имеющий особое представление о том, как улучшить жизнь людей и защитить их интересы. Сначала он выходит на сцену просто как лидер и лишь затем, много позже, в зависимости от своих поступков и их последствий, после размышлений о них, начинает восприниматься как герой. Точнее, лидера отличает от потенциального героя способность осуществлять стратегическое руководство и применять тактические навыки. "Мандела апеллировал к цели, ставшей лейтмотивом объединения чернокожего сообщества: бороться против дискриминации"². Восхождение Манделы к статусу героя было далеко не стремительным; ему в немалой степени способствовали знакомые, впоследствии ставшие друзьями (в их числе, например, Уолтер Сисулу, Оливер Тамбо и Ахмед Катрада). Годы, проведенные в тюрьме, стали для Манделы периодом самообразования, превратившим революционера–радикала в государственного деятеля. Эта выучка позволила ему достичь вершин в искусстве переговоров и воспитала в нем руководителя, чья политика неизменно отражала чувства и надежды Африканского национального конгресса. Пока творился миф о Манделе, герой этого мифа всегда оставался верен линии АНК. Лишь недавно, после продолжительных внутривнутрипартийных переговоров, Мандела дистанцировался от позиции АНК по ряду фундаментальных вопросов – таких, как отношение к пограничным претензиям Зимбабве или внешняя политика Южной Африки. Но даже не будучи согласен с определенными политическими решениями АНК, Мандела остается лоялен по отношению к нему. Он крайне редко критикует АНК открыто, а в случае расхождений предпочитает разрешать конфликты внутри партии, вдали от глаз широкой общественности, – образ действий, который оппозиция АНК сурово критикует за недемократичность. Мандела тоже попал под обстрел критики – были высказаны сомнения в его способности влиять на политику партии и парламента. И хотя Манделу в стране по–прежнему почитают как своего рода социально–политическую икону, многие молодые члены АНК видят в нем политика консервативного. Особенно это проявляется в его отношении к Табо Мбеки.

Погоня за идеалом играет важнейшую роль в духовном облике современного героя, и для него, как и для гомеровского героя, нет преград на пути к цели. Стремясь к своему идеалу, герой вынужден жертвовать тем, что дорого для него, и даже собственной жизнью. Такая жертвенность делает его еще привлекательнее для общества, и статус его повышается с каждой достигнутой им целью. "Современный герой взаимодействует в социуме с простыми смертными, и его героическое положение зависит от того, признают ли обычные люди его идеалы и

поступки"³.

Мандела как современный герой тоже подпадает под это определение; однако сложность деконструкции "Манделы как героя" состоит в том, что во многих смыслах он воплощает в себе черты, ассоциируемые скорее с героем гомеровским. Загадочность образа Манделы усугубляется еще и тем, что он много лет был разлучен с обществом, идеалы которого представлял. Тюремное заключение на Роббен–Айленде укрыло его и от взглядов общественности, и от публичных скандалов. Он вышел из тюрьмы в феврале 1990 года, чист и незапятнан, окруженный вниманием общества и окутанный легендами. Легенды эти тщательно создавались и всегда бежали впереди него. Образцовый заключенный, он пожертвовал годами жизни, стремясь освободить Южную Африку от расовой дискриминации. Изнурительный труд в известняковых карьерах на Роббен–Айленде подтвердил общее представление о его физической силе, выносливости и стойкости. Мандела был физически способен повести за собой народ, и эта способность подкреплялась его интеллектуальной мощью и предвидением возрождения южноафриканского государства–нации.

Идеологические влияния

Идеалы Манделы могли оставаться неизменными, однако он постоянно пересматривал и обновлял свою тактику в зависимости от действий правительства апартеида в Южной Африке. Гений Нельсона Манделы заключался как раз в его способности верно оценивать ситуацию и принимать решения с учетом их вероятных исторических, политических и экономических последствий.

В начале 1950–х годов АНК развернул кампанию неповиновения, мирными способами – посредством петиций и обращений в суд – протестуя против законодательства системы апартеида и политики расовой сегрегации. В автобиографии Мандела пишет, что АНК под влиянием Махатмы Ганди решил придерживаться принципов сатьяграха – ненасилия, победы через убеждение.

Ганди разработал тактику ненасильственного сопротивления в годы службы юрисконсультom в Южной Африке. В 1913 году он возглавил марш из Наталя в Трансвааль в знак протеста против законов сегрегации и дискриминации индийцев. Много позже, вернувшись в Индию, он в 1946 году встал во главе кампании за освобождение Индии от британцев. Стратегия освободительной борьбы индийцев существенно повлияла на тактику АНК в 1950–е годы. Однако исторические обстоятельства в Южной Африке были совершенно иными, нежели в колониальной Индии. Англичане признали, что не имеют права с чистой совестью отвечать насилием на ненасилие; африканерское правительство, напротив, ответило на кампанию неповиновения эскалацией насилия против чернокожего населения.

Манделу часто сравнивают с Ганди; однако при всем идеологическом сходстве эти национальные герои принципиально отличаются друг от друга – и по восприятию их общественностью, и по способам использования средств массовой информации для пропаганды своих политических целей.

Можно утверждать, что озабоченность Ганди вопросами равенства и национального самоопределения была чрезвычайно узкой и этнически ограниченной. В Южной Африке его волновал в первую очередь индийский вопрос, дискриминационные законы и обращение с его "соотечественниками", интересы которых он отстаивал. Ганди, безусловно, многое сделал для законодательного признания прав индийцев в Южной Африке, но он не признавал – ни лично, ни публично, – что под гнетом колонизаторов страдают не только индийцы, но и чернокожее население Южной Африки. Ганди подчеркнуто заботился об освобождении индийцев, и его нежелание заключать альянсы с африканским сопротивлением вызывало подозрения. Конечно, Ганди невозможно упрекнуть в сегрегационной политике, поскольку и он имеет статус героя ненасильственного сопротивления; однако его политическая идеология была сосредоточена в первую очередь на индийцах. Так обстояло дело и в Южной Африке, и – позже – в Индии, где в его идеях свободной страны не находилось места для мусульман.

Принципиальное отличие Манделы от Ганди состоит в том, как по-разному эти двое распорядились своим образованием и индивидуальным политико-идеологическим статусом, то есть принадлежностью к угнетаемой стороне. Ганди в социальном и символическом смысле отождествил себя с угнетенными, разделив их политические взгляды. Хотя Ганди был выходцем из касты браминов, он стратегически дальновидно предпочел принизить свое социальное положение. Иными словами, будучи образованным представителем высшей индийской касты, он не подвергался такой дискриминации, как рабочий класс или неприкасаемые, однако из солидарности вел себя так, как будто был одним из угнетаемых. Он сознательно выбрал бедность, и его скромные, собственноручно сшитые одежды были символом его позиции, своего рода политическим манифестом. Однако ретроспективный взгляд показывает, что Ганди не в полной мере отображал состояние народа, представителем интересов которого называл себя. Скорее, он пропагандировал собственную философию – голодание, половое воздержание, отрешенность от всего материального, – приобретшую популярность значительно позже.

Мандела же, напротив, не делал явных жестов солидарности с угнетенными. Для него главным в деле освобождения народа были эмансипация и обретение прав. Чтобы вдохновить народ на освободительный подъем, Мандела оказывает материальную и финансовую поддержку внепартийным организациям – в частности, детским и образовательным программам.

Ганди в деле строительства независимой Индии делал ставку в основном на права трудящихся, а не на образование и экономическое равенство. В этом смысле метафорой политики Ганди может служить прядение хлопка, в то время как гуманитарные усилия Манделы в области социального и экономического возрождения страны сосредоточены на изыскании средств для строительства школ в сельских районах и социальной поддержки детям, которых осиротил СПИД.

Политика Манделы, изображенная в его автобиографии, – это путь эволюции от осознания собственной племенной принадлежности и солидарности с соплеменниками к общеафриканскому самосознанию. В первых главах он предстает преисполненным гордости за народ коса, а в особенности – за свое племя тембу. Во время обряда инициации

(ритуальное обрезание, символизирующее превращение мальчика в мужчину) он впервые сталкивается с дискурсом, который изменит его самосознание и приведет к мысли о необходимости объединения всех угнетенных. Вождь Мелигвили произнес провокационную речь, которая разозлила общину, и Манделу в том числе: вождь призвал племя к солидарности со всеми африканцами и к сопротивлению белым угнетателям. Вот как вспоминает Мандела свое первое политическое озарение: "Слова вождя скорее рассердили меня, чем воодушевили. Я отмахнулся от них как от обидных высказываний человека невежественного, неспособного оценить значение образования и всех тех благ, которые принес белый человек нашей стране. В то время я видел в белом человеке не угнетателя, а благодетеля, и думал, что вождь проявляет величайшую неблагодарность... но вскоре его слова начали действовать на меня, хотя я и не понимал почему. Он посеял семена, и они начали давать всходы"⁴. Вернувшись домой после обучения в Университете Форт-Хейр, Мандела изменил свои взгляды на узкоэтническую солидарность; теперь для него насущным политическим вопросом было освобождение всех чернокожих. Работа адвокатом в Йоханнесбурге помогла ему также осознать важность поиска союзников вне расовых границ. Его отношения с Джо Слово, Рут Ферст и членами Южноафриканского индийского конгресса, которые позже объединили свои усилия с запрещенным АНК, образовав Объединенный демократический фронт, свидетельствуют о переменах в мышлении: теперь Мандела думал не только об АНК, но и об индийской общине, поначалу находившейся под влиянием более сепаратистского подхода Ганди.

Мысли, сопровождавшие политическое пробуждение Манделы, искреннее и пылкое стремление выразить свои взгляды – во всем этом проявляется его "человечность". Эволюция его как героя особенно привлекательна тем, что на каждом ее витке соплеменники – или весь народ – все больше обожествляли его, чему он изо всех сил сопротивлялся, стремясь подчеркнуть, что руководствуется общечеловеческими соображениями. Энтони Сэмпсон, один из его биографов, пишет: "Мандела словно бы инстинктивно осознает силу своего образа; он мог бы служить символическим выражением подавленных желаний своего народа. ОДНАКО он противостоит соблазну культа личности, нанесшего огромный вред стольким молодым африканским государствам, и старательно избегает слова "я". Он всегда подчеркивает, что служит АНК. Как сказал Мак Махарадж, ""я" никогда не заменит организацию""⁵.

Благодаря этой позиции Мандела стал именно тем политическим героем, в котором так нуждалась Южная Африка в борьбе против апартеида, – но, что еще важнее, героем неугрожающим, привлекательным не только для черных, но и для белых.

После кровавой бойни в 1960 году в Шарпевилле, где полиция открыла огонь по нескольким тысячам безоружных демонстрантов, именно Мандела убедил АНК изменить стратегию. Его позиция стала более жесткой: ненасильственные действия – недостаточный ответ на государственное насилие против чернокожего населения. Насилие государства апартеида порождало ответное насилие со стороны тех, кто ему сопротивлялся. Как пишет Мандела в своей автобиографии: "Я клеймил правительство за жестокость и беззакония, я говорил, что время пассивного сопротивления миновало, что ненасилие – бесполезная

стратегия, которая никогда не позволит свергнуть правящий режим белого меньшинства, готового на все, чтобы удержать власть в своих руках. Я говорил, что насилие – единственное оружие, способное уничтожить апартеид, и что мы должны быть готовы в ближайшем будущем прибегнуть к этому оружию. АНК был намерен организовать массовую борьбу, вовлечь рабочих и крестьян Южной Африки в кампанию столь массовую и столь мощную, чтобы она смогла наконец изменить существующее положение дел – тиранию белых. Однако правительство Национальной партии делало невозможным любые законные способы выражения несогласия или протеста. Для меня ненасилие было не моральным принципом, но стратегией; я не видел никакой нравственной добродетели в том, чтобы прибегать к неэффективному оружию. Но мои мысли по этому поводу еще не сформировались, и я заговорил об этом слишком рано"⁶.

Можно сказать, что призыв Манделы к вооруженному восстанию в 1960-е оказался чересчур поспешным, импульсивным решением. Оно было принято в гневе, вызванном жестокостью правительства апартеида. Впоследствии и в своих письменных работах, и в политической стратегии, которой Мандела неуклонно придерживался в процессе переговоров, приведших к первым демократическим выборам, он тщательно подбирал слова и всегда искал мирные решения. То, что он "заговорил слишком рано", не давало ему покоя все время, пока он пребывал в тюрьме, и после освобождения его первым порывом было расплатиться по старым счетам. Очевидно, что сейчас для Манделы ненасилие уже стало моральным принципом. В двух чрезвычайно взрывоопасных ситуациях, в 1992 и 1993 годах, он открыто призывал к мирному урегулированию и АНК, и все южноафриканское население.

В 1992 году, когда переговоры Конвента за демократическую Южную Африку (CODESA) оказались под угрозой, Мандела призвал своих избирателей и белых южноафриканцев, которые испытывали тревогу в напряженной политической обстановке, довериться мирному процессу переговоров. Но как только переговоры возобновились, обстановка вновь обострилась из-за убийства знаменитого лидера АНК Криса Хани, и начались разговоры о том, что гражданская война в Южной Африке неизбежна. Особенно резкая критика ревизионистской политики Манделы исходила от его жены Винни Мадикизела-Манделы, с которой они к тому моменту жили уже врозь. В апреле 1991 года Мандела был вынужден дистанцироваться от Винни в связи с назревающим скандалом из-за обвинений в коррупции и неотвратимо надвигавшегося суда, связывавшего ее имя со смертями Стомпи Мокетси Сейпея и доктора Асвата. Тучи над Винни сгущались, и ее отставка с постов в АНК была необходима и для восстановления доверия к партии, и для того, чтобы имя Манделы не ассоциировалось с призывами Винни к насилию. В убийстве Хани Винни углядела возможность вернуться в политику. Она заручилась поддержкой Молодежной лиги АНК, и на проходившем в Кейптауне митинге протеста против убийства Хани телекамеры зафиксировали ее с Питером Мокабой, руководителем этой лиги, выкрикивающую лозунги: "Убей бура! Убей фермеров!" Именно с такими настроениями всеми силами боролся Мандела. По словам одного из биографов Манделы, Мартина Мередита, "значение этих событий выходило далеко за рамки вопроса о насилии и ненасилии. Это было время, когда Мандела вышел на сцену в качестве национального лидера, сразу осознав масштаб кризиса и стремясь успокоить одновременно и страхи белых, и гнев черных, требуя послушания и получая его"⁷.

Мандела всегда ставил интересы народа выше своего личного счастья. Эта позиция лежит в основе его героических поступков и укрепляет его стремление к идеалам, без которых невозможно процветание народа. Личное самопожертвование Манделы продолжалось и гораздо позже освобождения из тюрьмы, что особенно ярко отразилось в его обращении к прессе, когда он был вынужден объявить о расставании с женой. В этой речи, произнесенной 13 апреля, слышно, как печально ему выносить на люди сокровенные чувства и как тяжело обнаруживать всю глубину своих страданий. В частности, Мандела говорит: "Из-за трудностей, связанных с нашей совместной работой в АНК и борьбой против апартеида, мы не можем вести нормальную, счастливую семейную жизнь. Но, несмотря на эти трудности, наша любовь друг к другу и преданность нашему браку возросли и окрепли [...] Моя любовь к ней остается неизменной. Однако из-за возникших между нами в последние месяцы расхождений по ряду важных вопросов мы вместе решили, что для обоих лучшим выходом будет расставание [...] Мой поступок никак не связан с обвинениями, выдвигаемыми против моей жены в средствах массовой информации [...] Мы расстаемся без взаимных упреков".

По той теплоте, с какой Мандела в автобиографии рассказывает об отношениях с женой, чувствуется, как сильно он любит женщину, которая поддерживала и утешала его в долгие годы тюремного заключения. Однако, вынужденно обращаясь к неприятным событиям, связывающим имя Винни с коррупцией, Мандела говорит о жене с отстраненностью и сдержанностью, подобающими государственному деятелю, и хранит верность памяти об их отношениях. В 1994 году, когда Мандела выставил свою кандидатуру на пост президента на первых демократических выборах, его избирательная кампания вновь была рассчитана на то, чтобы завоевать доверие всех южноафриканцев, независимо от цвета кожи и политических убеждений. Он снова сделал ставку на общечеловеческие, гуманистические ценности, и его знаменитая фраза "Никогда на этой прекрасной земле человек не должен быть угнетаем человеком" стала началом кампании "Страна радуги" во время его пребывания на президентском посту. Возможно, наиболее яркой отличительной чертой Манделы-президента было то, что он не стремился поддерживать официальную государственную власть.

В 1996 году, вскоре после инаугурации, Мандела ушел с президентского поста, оставив у руля своего заместителя Табо Мбеки. Манделе тогда было семьдесят восемь лет, и хотя по общим меркам он был вполне здоров, болезнь зрения, прогрессирующая потеря слуха и общая усталость вызывали тревогу правительства и международных лидеров, начавших сомневаться в его физической способности управлять государством. По мере распространения слухов о слабом здоровье Манделы экономика страны зашаталась, и курс ранда начал быстро падать. Именно в это время Мандела в очередной раз продемонстрировал, что его волнует благополучие народа, а не удержание власти. И хотя в то время Мандела был уверен, что сможет полноценно выполнять свои обязанности на протяжении всего пятилетнего президентского срока, он уступил вице-президенту право распоряжаться повседневными делами президентской администрации. Принося свою роль в управлении страной и подчеркивая достоинства своего правительства, Мандела сказал: "Многие мои коллеги практически во всех отношениях выше меня на голову. Я – скорее украшение, чем достояние"⁸.

Этот уровень самооценки и самоиронии говорит о том, что Мандела прекрасно осознавал и свою роль, и своевременность своего политического дискурса, который его более молодым и амбициозным коллегам уже не казался обязательным и единственно возможным.

Правительство не уделяло прежнего внимания политике примирения, завоевавшей доверие белых южноафриканцев, и все больше подпадало под действие призыва Мбеки к преобразованию южноафриканского общества. С точки зрения Мбеки, социальные преобразования означали ликвидацию экономического неравенства между черными и белыми; именно в этом он видел причину расового раскола в Южной Африке. И хотя Мандела согласен с тем, что такое неравенство существует, его приоритетами все же были и остаются образование, жилье и здравоохранение – именно в таком порядке. В его подходе к преобразованию страны особая роль отводится общине как основному орудию перемен. Сам Мандела, выросший среди народа коса в племени тембу, всегда высоко ценил роль образования в социально-экономическом прогрессе, и он лишен упрощенных представлений о том, что перераспределение экономических благ способно преобразовать жизнь бедных общин.

Глядя в прошлое

Ранние теории героизма (Макиавелли, Томас Карлайл) сосредоточивались на фигуре государя, которому по праву рождения дана власть над народом. С точки зрения Макиавелли, качества, внушающие страх, для лидера важнее, чем доброта, сострадание и милосердие. Карлайл, в свою очередь, видел воплощение добродетелей лидера в умении вдохновить и повести за собой общество. Оба эти мыслителя расходились по ряду принципиальных позиций, но имели сходные представления о том, что такое герой в воображении общественности. Для создания привлекательного образа героя, по их мнению, необходимы государственная пропаганда и увековечение его образа. В пропаганде образа Манделы были задействованы два противоположных механизма.

Манделу, по его собственным словам, с малых лет готовили к служению общественному благу. Нельсон Ролихлахла Мандела, родившийся 18 июля 1918 года в Восточной Капской провинции на юго-восточном побережье Южной Африки, с детства пользовался привилегиями, которые давало положение его отца – советника вождя племени тембу. Когда отец Манделы, Гадла Генри Мфаканьисва, скоропостижно скончался, Нельсона взяла на воспитание королевская семья. Ему предстояло стать советником королевского сына. По утверждениям самого Манделы и его биографов, в те годы он не внушал людям страха в традиционном смысле этого слова, однако всякий раз, когда он возвращался домой на каникулы, к нему относились с невероятным почтением. Форт–Хейр был фактически единственным университетом, куда в то время принимали чернокожих; управляли им миссионеры, и в нем училось около ста пятидесяти студентов. Мандела всегда осознавал свое привилегированное положение в обществе. Однако кардинальная перемена произошла только в Йоханнесбурге, в годы его активистской деятельности; именно тогда стал проявляться образ Нельсона Манделы как общественного деятеля. При этом пропагандировались две прямо противоположные концепции его личности. Одну из них – внушающую страх – навязывало правительство апартеида. Манделу всячески чернили

и изображали злодеем, угрожающим общественному порядку африканеров. Пресса в те времена не трудилась разъяснять народу суть кампании неповиновения (и не мудрено, поскольку это противоречило бы интересам режима апартеида) и пыталась представить дело так, будто речь идет лишь о горстке черных, провоцирующих беспорядки. К тому же официальная пресса изображала эту группу (Манделу, Тамбо и Сисулу) как главарей шайки смутьянов, подстрекающих к бунту массы чернокожего населения, вовсе не желающие бунтовать. Однако был и другой образ Манделы, противоречивший той картине, которую рисовала государственная пропаганда. В автобиографии Мандела предполагает, что его выбрали на роль общественного лидера, так как считалось, что благодаря монументальной внешности и харизматическому обаянию он имеет большой успех у дам.

Телесный образ

Сэра Наттал в своем исследовании телесного образа Манделы (она называет это термином "бодиография" – историография посредством репрезентации тела) рассматривает изменения образа тела героя с течением времени. Она отмечает, что Мандела всегда старательно следил за тем, как себя подать. Существует ряд биографий Манделы, охватывающих всю его жизнь. В молодости его привлекательности в глазах женщин способствовали спортивные успехи – Мандела был боксером. "Нормальность" его тела, вожделеющего и желанного, утверждается в его отношениях, а затем и в браке, с Винни – женщиной весьма привлекательной. Их отношения предполагают плодovitость и преодоление скованности черного тела при апартеиде. В множестве текстов черное тело в эпоху апартеида изображается как тело измученное, страдающее, находящееся под неусыпным надзором, тело, которому никогда не разрешалось свободно двигаться. В этом смысле ранние образы тела Манделы нарушают условности, предписываемые режимом апартеида; это здоровое тело, которому необходима свобода движений.

Еще один элемент "бодиографии" Манделы – интеллектуальность. В дни своего адвокатства и политической деятельности он часто бывал облачен в костюм, в верхнем кармане пиджака виднелся набор ручек или маленький белый блокнот – выразительная альтернатива тому, как изображало черных правительство апартеида. В тюрьме тело Манделы "вычеркивается" из социальной жизни; он больше не воспринимается как сексуальное существо, способное испытывать боль или удовольствие. Хотя в автобиографиях обычно выявляются внутренние эмоции героев, повествование Манделы о себе то и дело соскальзывает в область пространственных интеллектуальных раздумий и размышлений о политике. Его история не похожа на рассказы других южноафриканских узников – в ней нет пыток, заключения в одиночной камере, эпизодов секса и насилия. История Манделы – не об изгоях общества, а о братстве людей, которые верят в общее дело и стремятся уничтожить расовый гнет; к тому же это подробный рассказ о тюремном режиме и быте. "Вымарывание" тела и жизни Манделы из широкого социального контекста способствовало мифологизации Манделы–человека. Человека, лишенного обычных человеческих потребностей и желаний и превратившегося в существо почти богоподобное, бесконечно превосходящее заурядных современных героев.

Сейчас стареющий Мандела – дедушка нации. Однако в первый раз за долгие годы, прошедшие с момента освобождения, его гуманитарные обязанности поставили его в рискованное положение. Хотя Мандела совершил немало подвигов в годы своего президентства и позже, он описывает себя традиционно сдержанно – как человек, больше всего стремящийся быть со своей семьей и детьми. Как африканец, как стоик, как стареющий патриарх нации, он, казалось бы, последний, кто мог бы ассоциироваться с сексуальностью. Однако Мандела принял еще один вызов, стоящий перед южноафриканским обществом. Речь идет о нарастании кризиса, связанного со СПИДом. Разумеется, Манделе потребовалось время, чтобы примириться с идеей проповеди подросткам безопасного секса, однако в итоге он решился на это. Южноафриканское правительство, особенно Табо Мбеки, не спешило сделать доступными лекарства от СПИДа, вело себя нерасторопно и зачастую противоречиво. Мандела дистанцировал себя от позиции правительства и покровительствует борьбе со СПИДом своим именем и своей репутацией.

Нынешний политический имидж

Мандела виртуозно использовал в своих интересах собственный положительный образ, создаваемый и поддерживаемый прессой. Он пользовался и всеми возможностями, предоставляемыми средствами массовой информации, чтобы продвигать местную политику и оспаривать международную. Гэри Янг в недавней статье, пытаясь разгадать секрет политики Манделы, утверждает, что представители масс-медиа и АНК совершенно неправильно понимают Манделу и существенно искажают его облик. Янг показывает точки, в которых существенно расходятся образ Манделы в воображении общественности и его реальное политическое могущество как политика огромной влияния и силы убеждения⁹. Когда Мандела выступил с критикой взглядов Мбеки на ряд важных вопросов социально-экономической политики, АНК поспешил принизить значение его комментариев, изобразить их как идеи "добраго дедушки, который хочет, чтобы черные и белые ладили между собой". Манделу критикуют за то, что за время своего пребывания в должности он не довел до конца экономическое перераспределение, а его предложения в области здравоохранения и жилищного строительства нереалистичны.

В своей нынешней роли политического "старейшины" Мандела занял в вопросе об Ираке позицию, радикально противоположную позиции президента Джорджа Буша-младшего. Многие считают, что на сей раз Мандела повел себя нехарактерно, однако Янг утверждает, что поведение Манделы вполне согласуется с его этикой. "Этот человек, повсеместно почитаемый как лауреат Нобелевской премии мира, внезапно распространил этику и практику ненасильственного сопротивления на сферу внешней политики. И тут же выяснилось, что ненасилие черных по отношению к белым – это очень хорошо, а вот белые вовсе не считают себя обязанными придерживаться принципов ненасилия по отношению к коричневым". В этом высказывании подразумевается, что США обязаны признать свое военное преимущество и не подавлять более слабые народы.

В 1999 году Мандела убедил ливийского лидера Муамара Каддафи выдать двух предполагаемых агентов разведки, обвиненных в организации воздушного теракта над Локерби в 1988 году. Мандела лично участвовал в переговорах о размещении южноафриканских войск в

2001 году в Бурунди, чтобы не допустить геноцида в Руанде. Судя по этим примерам, нравственные и идеологические принципы Манделы не претерпели кардинальных изменений. Напротив, он расширил область их применения до глобальной и в очередной раз упрочил свое положение уважаемого мирового лидера, имеющего право на весьма радикальные политические заявления. И хотя кому-то эти заявления могут показаться чересчур радикальными, поскольку они бросают вызов существующему порядку, они все же не выходят за пределы его продуманной и прочно утвердившейся идеологической позиции.

Джон Стюарт Милль в своих размышлениях о героях и лидерах совершает качественный переход от гомеровских образов и гипотез Макиавелли и Карлайла к предположению, что в демократических странах герои появляются благодаря рационально действующему руководству. Отличительная черта демократического общества состоит в том, что оно выбирает себе лидеров, которые, по его мнению, наилучшим образом представляют его интересы. Милль предлагает взглянуть на роль героя под новым углом – в отношениях с теми, кто считает его таковым, – и предполагает, что герои способны вдохновлять народ на счастливую жизнь.

Распространяя это определение на "демократического" героя, Милль показывает, что герои будят сознательность, призывают к здравому смыслу и создают социальное благоденствие. В этом смысле Мандела, которого южноафриканцы ласково называют "мадиба" (вождь), пробудил в народе новое социально-политическое сознание. Даже у оппонентов он вызывает глубокий эмоциональный отклик – возможно, потому, что умеет вселять надежду, сохраняя здравый смысл и терпение даже тогда, когда все остальные их уже утратили. Благодаря ему стало возможно представить примирение стоящих по разные стороны баррикад народов без войны и кровопролития. Манделу часто неверно цитируют – якобы он походя бросил, что южноафриканцы должны "простить и забыть". Это не так. Он пробудил в людях осознание того факта, что без прощения невозможно восстановить социальную справедливость, но без памяти о прошлом невозможно сохранить стремление к счастью, присущее демократическим обществам.

Если верно, что Мандела – самый узнаваемый в мире брэнд, то именно потому, что его обаяние и привлекательность переводимы на все языки мира. Принципы разума, справедливости и равенства народов говорят о том, сколь велика потребность современного мира в лидере, герое, воплощающем в себе принципы гуманистической солидарности. В эпоху войн, потрясений и переворотов в морально-этических ценностях Мандела воплощает в себе нечто выходящее за рамки экономической политики, торговых соглашений, исторических и культурных обстоятельств. Это время Манделы-героя, время создания его легенды; и когда историки полвека спустя напишут историю его жизни, они расскажут о его подвигах иначе, потому что изменится общественно-политическая картина мира. Но сейчас Мандела дает людям возможность утолить жажду равенства и сострадания – а это куда большее счастье, чем стакан ледяной "кока-колы"!

¹ Выступление Реханы Эбрахим-Вэлли (Rehana Ebrahim-Vally) и Сэры Наттал (Sarah Nuttal) в WISER (Wits Institute of Social and Economic Research) в августе 2002 года: *Biodiographies: Visualizing Mandela and Lumumba as Figures of the Hero.*

- 2 Там же.
- 3 Там же.
- 4 Mandela N. *Long Walk to Freedom*. Randburg: Macdonald Purnell, 1994. P. 28.
- 5 Sampson A. *Mandela: The Authorized Biography*. London: HarperCollins Publishers, 1999. P. 412.
- 6 *Mandela N.* Op. cit. C. 147.
- 7 Meredith M. *Nelson Mandela: A biography*. London: Penguin Books, 1997. P. 484.
- 8 Ibid. P. 552.
- 9 Younge G. "Why Nelson Mandela is angry" // *Mail and Guardian*. 27.9.–3.10.2002.

Published 2004-06-02

Original in English

Translation by Yevgeniya Kanishcheva

Contribution by Neprikosnovennij Zapas (NZ)

(c) Eurozine

(c) Neprikosnovennij Zapas